

«Честная» пятилетка

20 – 24 декабря 1956 года, под самый Новый год, собрался Пленум ЦК. Обсуждали шестую пятилетку 1956–1960 годов. Пятилетку, как и полагается, подготовили заранее, к концу 1955 года Госплан Байбакова вместе с Экономкомиссией Сабурова свели цифры воедино и представили руководству страны. Затем документ рассмотрели на Президиуме ЦК. 15 января 1956 года, опубликовали в газетах основные параметры роста экономики. В феврале 1956 года XX съезд партии, заслушав доклад Булганина, утвердил ориентиры (директивы) будущей, то есть уже начавшейся с 1 января, пятилетки.

Прочитав в «Правде» задания на следующие пять лет, я переполнился гордостью за нашу страну. Стали в 1960 году предписывалось выплавить 68,3 миллиона тонн, по сравнению с 45 миллионами тонн в 1955 году, угля добыть – 593 миллиона тонн, удвоить до 19,6 миллионов тонн производство минеральных удобрений, удвоить добычу нефти с 71 миллиона тонн в 1955 году до 135 миллионов тонн в 1960, удвоить производство электричества – в 1960 году выработать 320 миллиардов киловатт-часов, в шесть раз увеличить производство блочных жилых домов и так далее по каждой позиции, конкретные и очень впечатляющие цифры.

В конце сороковых годов мы мечтали о добыче 60 миллионов тонн нефти как о чем-то сказочном, а теперь – 135 миллионов тонн! Скоро мы сравняемся с США по выплавке стали, а там и обгоним их, займем лидирующее место в мире. Гордость за свою Родину с большой буквы, за ее достижения просто распирала меня. И не меня одного, вся страна жила, я не побрезгую штампом, единым порывом. Слова из популярной песенки: «Зато мы делаем ракеты, перекрываем Енисей, / А также в области балета мы впереди планеты всей», – тогда не звучали пародией, а были точным слепком с эпохи.

Вместе со всеми и, наверное, больше всех шестая пятилетка радовала отца. Той зимой, во время наших вечерних и утренних прогулок он в ответ на мои расспросы подробно рассказывал, какие заводы собираются построить, какие новые технологии придумали ученые.

Однако радость отца оказалась недолгой. В предсъездовский период он сам не очень внимательно вчитался в представленный план, понадеялся на профессионализм Байбакова с Сабуровым. К тому же за пятилетку в Президиуме ЦК отвечал Булганин. В те дни и недели все внимание отца сосредотачивалось на «Сталинском» докладе и, естественно, отчете ЦК съезду. Вникать в детали представленной и уже озвученной Булганиным с трибуны съезда пятилетки он начал только весной, когда на сессии Верховного Совета потребовалось принять закон о пятилетке, закон, увязанный со всеми министерствами и завизированный всеми министрами. Однако получилась осечка, к сессии пятилетку подготовить не успевали. Министры, помня прошлогоднее предупреждение отца о недопустимости корректировки плана по факту, расписываться на последней странице разосланного им пухлого проекта не спешили. Жаловались Булганину друг на друга, а, не добившись у него правды, записывались на прием к Хрущеву. Отец звонил Сабурову, он отвечал за текущее планирование, тот обещал разобраться, но обещания так и оставались обещаниями.

Провозглашенная отцом в прошлом году «честная» пятилетка никак не увязывалась. Сабуров просто не знал, как «честно» свести концы с концами, никогда раньше с него, плановика старого закала, ничего подобного не требовали. Сабурову, тем не менее, удалось успокоить отца. Он поклялся, что осталось согласовать последние детали, пятилетку они обязательно представят к следующей сессии Верховного Совета. Не верить ему отец оснований не имел, но его все больше беспокоила недостаточная эффективность управления экономикой в целом. Дело не в Сабурове и не в бунтующих против него министрах, причина лежала глубже – в несогласованности, как он повторял уже не раз, вертикали московской власти с горизонталью региональной, всевластия министерств и безвластия республиканских и иных местных руководителей, от которых и зависит выполнение или невыполнение планов. Они, а не московские министры – хозяева на подвластных им территориях, значит, и власть следует передать в их руки. Тогда и дело наладится.

За два прошедших года республикам переподчинили более одиннадцати тысяч различных предприятий, в основном небольших. Дела на них пошли лучше, но коренной перемены в стране не произошло. Отец то и дело возвращался к волнующей его теме, даже дома с гостями обговаривал «министерский кризис», но решение пока не нащупывалось.

Обсуждали эту проблему и в Кремле. Сразу после съезда, 1 марта 1956 года, на заседании Президиума ЦК поставили вопрос «О министерствах», но он и ограничился судьбой министерств: какие ликвидировать, какие оставить, и не затронул самого принципа управления экономикой. Договорились поручить «Хрущеву, Булганину – подумать, более конкретно разработать предложения и внести в ЦК».

Предложения внесли. Одни министерства ликвидировали, другие – реорганизовали, но, как заметил Каганович на очередном обсуждении этой проблемы 26 апреля 1956 года:

- Родилось не то, что хотелось.
- Пшик получается, – поддержал его Ворошилов.
- Многое делаем неправильно, – попытался сориентироваться Кириченко. Отец с Булганиным на заседании отсутствовали, находились с государственным визитом в Англии. Позицию отца наиболее четко сформулировал Шепилов:
- Максимум функций республикам.
- Нельзя терпеть в Москве такую ораву чиновников. Поручить комиссии... – присоединился к нему, председательствовавший на заседании Микоян.
- Комиссию не надо, – забеспокоился Сабуров.

– Продолжить обмен мнениями. Тов. Булганину рассмотреть, еще посмотреть. Предложения вносить по частям, – почему-то вместо Микояна подвел итог Суслов.

На том и порешили.

В мае наконец решили, какие из союзных министерств ликвидировать, какие переподчинить республикам. 30 мая 1956 года ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли Постановление «О реорганизации министерств СССР в связи с передачей предприятий ряда отраслей народного хозяйства в ведение союзных республик».

В их подчинение переходили заводы и фабрики, производившие товары народного потребления. Они получали права распоряжаться на своей территории транспортом (кроме стратегического железнодорожного), здравоохранением, торговлей. Отец праздновал победу. Далась она ему нелегко, однако останавливаться на этом он не собирался. Чтобы экономика заработала на полную силу, реальную власть следует сосредоточить у производителей, наделить ею руководителей регионов, за Москвой сохранить роль дирижера-координатора. С философией реформы отец, таким образом, определился, а вот, как ее реализовать, требовалось еще серьезно продумать. Но это дело будущего, сейчас же приходилось «спасать» пятилетку. Почти год страна жила без утвержденного пятилетнего плана. Отец забеспокоился всерьез. Я тоже недоумевал, что происходит и, естественно, обращался к отцу. На мои расспросы он отвечал неохотно, а потом и вовсе начал отмахиваться, как от назойливой мухи. Перемене в поведении отца я особого значения не придавал, списывал все на усталость.

С пятилеткой не разобрались до самой осени, а осенью 1956 года разразился скандал, Сабуров пришел к Хрущеву с корректировкой отчета о выполнении годового плана по факту. Отец напомнил ему, что они в июле прошлого года договорились планы задним числом не корректировать, для того и разделили старый Госплан на два: перспективный и оперативный, чтобы руководитель Экономкомиссии обеспечивал выполнение планов и если что и изменял, то с упреждением, с пользой для дела, а не «под отчет». Сабуров настаивал. К согласию они так и не пришли, разошлись недовольные друг другом. Естественно, одним разговором дело не ограничилось, в Кремле собрали представителей всех заинтересованных ведомств – министры единодушно поддержали Сабурова. Каганович и Молотов встали на их сторону – невыполнение плана подорвет «имидж» страны за рубежом и авторитет ее руководства внутри. Отец твердо стоял на своем.

Помню, как на одной из воскресных прогулок, Микоян убеждал отца не упрямиться, реальные достижения по итогам года – впечатляющие, а о том, что записывалось в январе в планы, все уже давно забыли, ни к чему ему, Хрущеву, позориться самому и позорить все послесталинское руководство. Но отец не сдался, заупрямился, ответил, что врать ему надоело, если план не выполнен, то надо честно признаться и не обманывать людей фальшивыми победными реляциями.

12 декабря 1956 года на Президиуме ЦК он высказал все, что думал о плане, о Сабурове, о его команде, об их проекте «честной» пятилетки: «Цифры оказались несостоятельными. Они все какие-то отвлеченные. Провал планирования». Дальше отец переходит в частности, что где урезать, прибавить, изменить. Сабуров с Байбаковым понуро молчали. Промолчали и члены Президиума ЦК, только Жуков подал свой голос, предложил «сократить заработную плату высокопоставленным», кому конкретно, я так и не понял, «ликвидировать излишества в государственном и партийном аппарате, принять меры к оканчивающей вузы и нигде не работающей молодежи».

Отец чувствовал себя обманутым и одновременно обманщиком. С таким чувством он шел на очередной, как обычно приуроченный к концу года, «Декабрьский» Пленум ЦК.

«О завершении работ по составлению шестого пятилетнего плана и уточнении цифр на 1956–1960 годы и на 1957 год» доложил Байбаков. С содокладом выступил Сабуров. Отец

на Пленуме не выступал, итоги подводил Булганин, он – председатель правительства, пятилетка – его епархия. Николай Александрович говорил о необходимости улучшения управления народным хозяйством СССР, о расширении прав министров и одновременно об избавлении от мелочной опеки центра. Ничего нового он не сказал. Повторил то, что он говорил на уже подзабытом к концу 1956 года Пленуме ЦК в июле предыдущего 1955 года, да еще как-то очень неопределенно, размазанно, явно что-то недоговаривая. Дома рассерженный отец не пожелал отвечать на мои расспросы.

В опубликованной в «Правде» резолюции Пленума констатировалось, что план 1956 года по углю, металлу, цементу, лесу и многим другим позициям провален.

Все прояснилось, раз уж в газетах написали не об успехах, а «об отдельных недочетах и неполадках», не оставалось сомнений, что дела сложились из рук вон плохо. Постановление Пленума предписывало: представить в первом полугодии 1957 года шестой пятилетний план. Уже пошел второй год пятилетки 1956–1960 годов, и все без плана.

Любопытная деталь. На предварявшем Пленум заседании Президиума ЦК 18 декабря 1956 года Булганин предлагал утвердить пятилетку на ближайшей, намеченной на начало февраля 1957 года Сессии Верховного Совета. Уже в ходе Пленума отец осознал, что в оставшиеся полтора месяца ничего не исправить, да и в Сабурове он окончательно разочаровался. В результате вместо февраля в резолюции Пленума появилось расплывчатое первое полугодие, а от министерств и ведомств потребовали в кратчайший срок устранить «выявленные на Пленуме» недостатки.

Вскоре газеты опубликовали указ Президиума Верховного Совета СССР о смене Председателя Госэкономкомиссии, на место Сабурова пришел Михаил Григорьевич Первухин. Байбаков устоял, хотя за пятилетнее планирование, он отвечал наравне с Сабуровым. Пятилетка лежала на стыке перспективного и краткосрочного планирования. Однако вину за ее неувязку, за то, что не удалось расписать по годам заявленный съезду рост экономики, списали на Сабурова. Он – и член Президиума ЦК, и Первый заместитель главы правительства, и в планировании не новичок, Председатель Госплана с 1941 года. Правда, в 1942–1949 годах в этом кресле сидел Вознесенский, но Сабуров и тогда оставался его правой рукой. Байбакову срыв пятилетнего плана простили, раньше он планированием не занимался, в госплановском кресле только начинает осваиваться. К тому же, отец не забыл, на этот пост Байбакова назначили насильно, вопреки его возражениям.

В результате Сабуров оказался Первым заместителем председателя Совета Министров без определенных обязанностей, как бы безработным, но оставаясь при этом членом высшего руководства – Президиума ЦК. Естественно, Сабуров на отца обиделся. Сталина он устраивал, а какой-то Хрущев... Сабуров пополнил ряды ближайших соратников отца, которые так или иначе оказались им ущемлены, справедливо или не очень справедливо – не важно.

На меня освобождение Сабурова особого впечатления не произвело, я его почти не знал. Конечно, я с ним встречался, но в гости к нам в отличие от Маленкова, Микояна, Булганина, Жукова, он не заезжал, по крайней мере, я такого не помню.

А вот опубликованный 28 декабря 1956 года Указ о назначении Ивана Федоровича Тевосяна послом в Японию прозвучал для меня как гром с ясного неба. Тевосян – легендарный металлург, нарком, министр, заместитель главы правительства и вдруг послом... Правда, послом в Японию. С японцами только недавно договорились об обмене посольствами, туда требовался посол особый, человек с именем. Но не Тевосян же... И на сей раз отец ничего мне определенного не ответил. «Тевосяну полезно переменить обстановку, заняться новым делом. Назначение в Токио – не ссылка, а ответственное поручение» – вот и все, что я услышал от отца. Ничего не поняв, я пристаивания прекратил, зная по опыту, если отец не захочет, то из него ничего и клещами не вытяжишь. Только много позднее я узнал,

что там, на Пленуме, пока в кулуарах обсуждалась идея передачи экономической власти в регионы, мнения разделились: секретари обкомов высказывались «за», московские чиновники – «против».

Не поддержали регионализацию ни Байбаков, ни Сабуров, ни другие управленцы «сталинской» школы. Всем им казалось, если Москва ослабит контроль, то все в стране полетит под откос. Однако свои возражения они высказывали осторожно, с оглядкой на мнение отца. Тевосян же попер напролом, они схлестнулись с отцом, поговорили нелицеприятно. В результате Иван Федорович, так и не переубедив отца, уехал в Токио.

В своей книге «Так было» Микоян приводит иную версию причин опалы Тевосяна. Он вспоминает, как в 1939 году Тевосяна обвинили в шпионаже в пользу немцев, и Сталин поручил Молотову с Микояном разобраться, правда ли это. Они вместе допросили Тевосяна, и Микоян убедился, что обвинения «липовые». Молотов же, по словам Микояна, молчал, «лицо у него было, как маска. Он умеет это делать, когда хочет».

Когда Микоян докладывал Сталину о невиновности Тевосяна, Молотов с ним не согласился, пробурчал: «Здесь не все ясно».

«Возможно, он не мог простить, что Тевосяна поддержал Орджоникидзе, в то время, как Молотов добивался его ареста, – пишет Микоян. – Молотов скрытный человек, очень злопамятный». О его «злобе» свидетельствует то, что после того, как Сталина не стало, Молотов устроил в 1956 году на Тевосяна, тогда министра черной металлургии и заместителя председателя Совмина, нападение из засады. Будучи в то время министром Госконтроля, Молотов провел расследование и доложил, что у Тевосяна лежит на стройке и не используется, ожидая ввода предприятий в действие, различное оборудование. После этого в ЦК обсуждали этот вопрос, Тевосяна освободили от занимаемой должности и отправили послом в Японию.

Анастас Иванович лучше меня и даже лучше отца знал о происходившем в Москве в 1939 году, теснее и дольше отца общался с Молотовым. Вот только Молотов сел на Госконтроль в конце ноября 1956 года, а Тевосяна назначили послом через месяц, в конце декабря. Неужто за столь короткий срок он не только освоился в новой должности, но и успел накопить компромат на Тевосяна? Но Микояну виднее.

Итак, на Пленуме отец провел «разведку боем», она показала, что борьба за реформирование экономики предстоит серьезная. Москвичи – сторонники жесткой государственной пирамиды с вершиной в столице, так строилась российская монархия испокон века, не сомневались в своей правоте. Он же, много лет проработавший на Украине, на периферии власти, нутром чувствовал, что без передачи права принимать экономические решения на местах, дело не сдвинется. Обе стороны готовились к предстоящим баталиям, подбিরали аргументы. А тем временем число членов Президиума ЦК, так или иначе недовольных отцом, постепенно увеличивалось.